

ВСТРЕЧА | Игорь Попов

ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА ВОЛКОВА

Назвал Сталина чужаком и... остался жив

ОТЕЦ И СЫН ВОЛКОВЫ

Его книги представляют внушительную материальную ценность

В июне исполнилось 100 лет известному советскому литературоведу Анатолию Андреевичу Волкову (1909–1981), автору многочисленных учебников, а также монографий о творчестве Есенина, Бунина, Куприна, о литературном движении конца XIX – начала XX века. Корреспондент «России» встретился с сыном писателя – известным российским журналистом Владимиром Волковым, чтобы узнать, как жил и работал его отец, какие жизненные принципы проповедовал... Но Владимир Анатольевич сам задал нашей беседе несколько неожиданный поворот.

■ ■ — Если я начну до небес расхваливать своего отца: мол, какой он был неординарный и оригинальный, независимый – вы все равно в это до конца не поверите. Ведь он жил, формировался, работал в эпоху Сталина, Хрущева, Брежнева, когда появился целый пласт литераторов, писавших о роли вождей, о социалистическом реализме. Отец в эту обойму не входил, хотя сейчас, листая его книги, встречаю это словосочетание. Но пафосности ни в одной из его книг не встретишь, как и испепеляющей критики людей, которые были не очень удобны властям. Те же Анна Ахматова, Цветаева, Мандельштам и многие другие. Но он

прекрасно ориентировался в литературных течениях той эпохи и явно симпатизировал им. — Идя на встречу с вами, я выписал названия книг вашего отца, которые показались мне претенциозными: «Ленин и Горький», «Горький и литературное движение советской эпохи». И уж совсем меня настроила на пессимистический лад книга с названием «Поэзия русского империализма». Представляю их воинствующую тональность... — А представлять не нужно. На свой риск я дам вам их почитать домой, зная тем не менее, что они представляют и внушительную материальную ценность. Вы их, надеюсь, «не заиграете»? Поясню

мысль. Книга «Поэзия русского империализма» 1936 года выпуска вошла в один из лотов на книжном аукционе. Он, состоящий, кажется, из пяти книг, оценивался тысяча в пятьдесят рублей. Вот и судите. Кому-то такое название сегодня режет слух, кому-то ласкает, ведь Россия – это великая империя, которую мы хотим воссоздать назло всем недругам. В ней мой отец на богатейшем историческом материале написал без всякой ругани, с глубоким знанием дела о символизме, акмеизме. А ему было тогда 25 лет, он только что окончил МГУ. К слову, самым молодым титулованным литературоведом – доктором филологических наук, профессором он стал очень рано, в 1948 году. — У него были литературные премии? — В 1953 году он был выдвинут на Сталинскую премию за книгу «Очерки русской литерату-

ры конца XIX – начала XX века». Но в марте вождь внезапно умер и премий в тот год не вручали. Ну а дальше что-то помешало.

— Какую книгу отца лично вы считаете лучшей?

— «Художественные искания Есенина», изданную в 1976 году. Он, очень тонко ведя анализ рифм, ассоциаций, образов, рожденных у поэта, показал его истинное величие. В ней нет заезженных есениноведами описаний: куда Есенин поехал, с кем встретился, о ком вспоминал, проезжая в поезде по Туркестану. Ну а его книга о творчестве Куприна очень понравилась дочери писателя, приехавшей в СССР из-за рубежа. Во многих интервью и телепередачах она это отметила. И их встреча с отцом была очень теплой. Кстати, эта книга целиком выложена сейчас в Интернете.

— Скажите, Владимир Анатольевич, а Сталина и его окружения отец боялся?

— Анатолий Андреевич был очень смелым человеком. Возглавляя журнал «Смена», он поместил критическую статью, иллюстрированную Кукрыниксами, на помпезное стихотворение (напечатанное в «Правде») поэта Ивана Приблудного «Пятилетка». В этой оде вождю народов Иван Приблудный подхалимски написал следующее:

*Автор голову склонил
Над линейкой и бумагой;
Ткнул пером во тьму чернил
С гревнерыцарской отвагой.
Думал десять с лишним лет:
Где быть хлебу, где быть лесу,
И придумал напоследок
Замечательную пьесу...*

На это отец с юношеским максимализмом написал буквально следующее: «А где же народ и его творческий подъем, который представляется Приблудным как досужая выдумка какого-то чудака, ну а суть пятилетки сводится к распределению хлеба и леса».

На мой взгляд, очень смело со стороны отца, пусть и иносказательно, назвать Сталина чужаком. Ведь стихи были завизированы в ЦК Партии большевиков, а тут нашелся неожиданный молодой критик...

Удивительная страница в жизни моего отца. Он никогда не был за границей, хоть и работал в конце 40-х годов главным редактором ВОКСа (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей). Может быть, находился под впечатлением ночного звонка в дверь, когда на его вопрос: «Кто это?» последовал

«В 1953 году его выдвинули на Сталинскую премию, но вождь умер и премий в тот год не вручали»

ответ: «Орест». Нет, черного воронка у подъезда в ту ночь не стояло. Просто ночным поездом приехал друг из Армении.

— Владимир Анатольевич, и все-таки как сейчас принято говорить, кто вел по жизни вашего отца – именитые родители?

— Его отец, стало быть, мой дед – Андрей Степанович, был земским врачом в Калужской области. Перед самой войной репрессирован. Мать – Любовь Семеновна, уникальный по внутренней культуре человек, приехав в Москву после развода с

мужем, работала учетчицей на складе Ситценабивной фабрики. Сохранилась ее трудовая книжка. Сюда же 15-летним подростком устроился работать и мой отец, проявил себя активным комсомольцем, писал задиристые статьи о недостатках. После чего без какой-либо «руки» и поступил в МГУ.

— А кто были его друзья в юности и зрелости?

— В моем архиве хранится интересная фотография, датированная 28 ноября 1936 года на территории Дома-музея Чехова в Ялте. Отец в кругу известных писателей: Александра Малышкина, автора романа «Люди из Захолустья», Михаила Розанова, автора популярного тогда произведения «Дневник Кости Рябцева», Николая Вирты, прославившегося своим романом «Одиночество», Ивана Жига, автора очерковой книги «Думы рабочих, заботы, дела», других, ныне забытых писателей. Теплые отношения связывали отца с поэтом Иосифом Уткиным, с которым он работал в Гослитиздате, где им на двоих был выделен один стол, за которым они сидели поочередно в разные дни недели. Такие же отношения у него были с Сергеем Михалковым, Александром Твардовским да по сути со всеми именитыми писателями послевоенной Москвы, республик СССР, где он часто бывал в то время.

— А личная жизнь у него удалась?

— У людей творческих профессий она редко бывает очень уж складной. С моей матерью – Ниной Васильевной, студенткой Самаркандского университета, он познакомился, будучи проректором этого вуза, в 1942 году. Отец после участия в Финской военной кампании получил ранение и был комиссован из армии, поэтому в Великой Отечественной не участвовал. Ему было поручено вести преподавательскую работу в Узбекистане и Таджикистане, что он успешно делал.

В 1944 году наша семья, в которой появился я, приехала в его московскую комнату в коммуналке на улице Горького. В конце пятидесятых мои родители расстались, оставшись добрыми друзьями.

— Как на его здоровье сказались участие в очень странной войне СССР и Финляндии?

— Он был очень крепким, спортивным человеком. Но застудив почки где-то на подступах к Хельсинки, этой болезнью мучился всю жизнь. И при этом обладал уникальной работоспособностью. Писал в больницах, санаториях. И все-таки самые значимые в своей жизни книги он написал на даче в подмосковной Перловке (ныне микрорайон города Мытищи). Он катался на лыжах по Лосиному острову, сочиняя при этом массу эпиграмм, которые печатались в «Огоньке». Пробовал себя и как драматург, но в этой области он все-таки не был корифеем. — Ваш отец рано ушел из жизни, ему был всего 71 год. Неужели ведомственная медицина не могла продлить ему жизнь? — В элитарных клиниках он не лечился, а свой смертный час встретил в Московской 1-й градской больнице в многоместной палате. Похоронили его на Кунцевском кладбище, где покоятся многие именитые люди страны... ■